

Б. В. Петелин

Череповецкий государственный университет, профессор

РЕВОЛЮЦИИ XXI ВЕКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Современная история дала немало событий, которые вошли в политический лексикон как «революции»: крах реального социализма в Восточной Европе, распад СССР и Югославии и последовавшие за этим вооруженные конфликты на территории этих государств, всевозможные «цветные революции», перекинувшиеся из Европы в Северную Африку, Ближний и Средний Восток. Чем обусловлены эти перемены? Наблюдаем ли мы череду «революций» («перманентную революцию»), или происходящие события не более, чем столкновения группировок в борьбе за власть и контроль над природными ресурсами?

Насколько существующие социально-политические теории позволяют уяснить суть происходящего? Марксизм, как известно, оперировал преимущественно «социальными революциями», посредством которых происходила смена формаций. Но при этом имелись в виду только два типа революций: «буржуазные» и «социалистические». Были ли революции при переходе к рабовладельческой и феодальной формациям, если признать их историческую реальность, марксизм внятного ответа не давал. Надо согласиться с известным философом и политологом Ханной Арендт, ее книга «О революции» была издана в России впервые в 2011 г., что при всем сходстве войн и революций, войны сопровождают человека в истории изначально, тогда как о революциях можно говорить только применительно к Новому времени. Социальный вопрос превратился в вопрос революционный тогда, когда необходимость наличия бедности была поставлена под сомнение. До этого различие между бедными и богатыми считалось естественным, лишенным вражды и классовой ненависти. Арендт, не являясь апологетом Американской революции, тем не менее, считала, что дорога к революциям в остальном мире была проложена в США. Америка стала символом «общества без нищеты» благодаря упорному труду колонистов и после того, как об этом узнали европейцы, социальный вопрос здесь стал играть революционную роль.

В теоретической дискуссии следует знать происхождение термина. Первоначально слово «революция» применялось в астрономии. Его роль заметно возросла после «звездных» открытий Коперника. В качестве политического термина «революцию» употребили в XVII веке, причем не в тот момент, когда произошла Английская революция, и Кромвель установил первую революционную диктатуру, а в 1660 г., уже после падения Долгого парламента и восстановления монархии. Тем самым, «революция» оказалась связанной не собственно с революционными событиями, а реставрацией, иными словами – «контрреволюцией». Необъяснимого в этом ничего нет. Так как в астрономии под «революцией» понимали возвратное, циклическое движение, то есть установленный извне порядок, то и в человеческом обществе слово «революция» употреблялось для обозначения повторяющихся

процессов, возвращения на круги своя... Но Великая французская революция изменила этот ход и привела к новому, революционному порядку.

Если ранее в оценках Октябрьской революции 1917 г. указывалось на ее прогрессивное значение, то сейчас акценты сместились. Подчеркивается ее разрушительное воздействие на сложившийся социальный порядок, то есть революция предстает как «противоестественное явление», ибо оно направлено против «нормального», «естественного» состояния общества. По мнению политологов – «революция есть патология, а не норма». Затяжная революция, в качестве примера ссылаются на Россию («есть у революции начало, нет у революции конца») – это хроническая социальная болезнь, от которой она так и не излечилась.

Перестройка в СССР была заявлена как «прямое продолжение Октября». Фактически таковой она и стала, ибо ее результаты стали действительно «революционными». Уничтожение СССР произошло не вследствие войны, а стало результатом внутренней политики правящей номенклатуры. Можно согласиться с тем, что контрреволюция, прежде всего, есть внутренний момент революции, а не ее внешняя противоположность. Контрреволюция – это завершающая стадия революции. Но контрреволюция, восстанавливая порядок, вовсе не ведет к буквальной реставрации прошлого. Это не возможно, да и этого не требуется. Порядок устанавливается «новый», причем более насильственными средствами, чем это было при свершении революции: Больше всего жертв революция оставляет не «на входе», а «на выходе».

В то же время приход контрреволюции не является целью революционеров. До тех пор пока продолжаются революционные действия и преобразования, а революционеры остаются верны тем идеям, целям и программам, во имя которых начиналась революция, она будет иметь потенциал для развития. Но если только революция останавливается или замедляет свой темп, за этим немедленно торжествуют реакция и контрреволюция.

Как оценивать «цветные» революции XXI века? Марксистская методология с ее классовым подходом не позволяет считать их «подлинными» революциями. Так, по Ленину, об этом он писал в 1914 г., революции должна обязательно предшествовать «революционная ситуация» с ее «тремя признаками». В «классических» революциях мы без труда обнаружим эти «признаки», наличие которых не всегда приводит к революции. С этими ленинскими положениями следует согласиться, ибо их не раз подтвердила историческая практика. В странах, где прошли «цветные революции» (Тунис, Египет, Ливия...) революционной ситуации не наблюдалось. Материальное положение не было критическим, а в Ливии, например, уровень жизни был сопоставим с отдельными европейскими странами. Но результаты «цветных революций» для абсолютного большинства граждан стали полной трагедией. Светское государство разрушено, социальные программы свернуты, впереди нищета, безработица, упадок образования и здравоохранения... «Цветные революции» не меняют основ экономического строя. Форма собственности остается прежней, разве что меняются ее владельцы.

Главная цель этих революций – смена политического режима. Подобное происходило в Ираке, Египте, Ливии, в последнее время происходит в Сирии. При этом режимы Мубарака или Каддафи были легитимны, хотя и не отвечали «ценностям» западной демократии. Для их устранения требовалась «революционная сила», то есть группа оппозиционеров, которая могла действовать только при

мощной поддержке из вне. Современные технологии способны на многое. Естественно в ход идут и опробованные средства: деньги, подкуп, запугивание, расправы. Если законная власть начинает проявлять нерешительность, колебания, начинает оправдываться и поддается на провокации, то руководство страны ждет печальная участь Милошевича, Хусейна, Каддафи. Поэтому национальный лидер должен быть уверен в своей правоте, иметь надежные силы безопасности и широкую поддержку народа. Однако этого оказывается не достаточно, ибо приходится противостоять, как это было в Югославии и Ливии, США, НАТО и ЕС.

Да, мировое сообщество через своих отдельных представителей может осудить их вмешательство во внутренний конфликт, но реально никто на помощь не придет. Так было в Югославии в 1999 г., так было в Ливии, а теперь и в Сирии. Фактически, мы наблюдаем не революции, а интервенцию и гражданские войны, в ходе чего происходит не обновление общества, а установление контроля над природными ресурсами, для чего к власти допускаются новые, более управляемые политики. Хотя современные внутривластные конфликты могут заканчиваться сменой режима, они редко меняют жизнь страны. Сценографы быстро перемонтируют декорации, создавая образ другой реальности.

Однако послереволюционное развитие арабских стран может пойти и не по западным чертежам и лекалам. К власти приходят радикальные исламисты, которые всегда себя позиционировали последовательными врагами западной иудео-христианской цивилизации. Происходящие события заставляют задуматься над многим. Или «цветные революции» есть только перераспределение власти внутри страны, или мы имеем негласный сговор между США и влиятельной исламской верхушкой, которая получает свободу действий везде, где есть мусульмане, что для России может обернуться реальной угрозой ее суверенитету и территориальной целостности.